

Ришард Болеславский

Путь улана

ББК 63.3(2)5
Б79

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Болеславский Р.

Б79 Путь улана. Воспоминания польского офицера.
1916–1918 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2006. — 287 с.

ISBN 978-5-519-73316-8

Ришард Болеславский был в числе тех поляков, которые под влиянием патриотического порыва вступили в российскую армию, чтобы сражаться за независимость Польши. Вместе со своим уланским полком он прошел через все тяготы Первой мировой войны. После отречения царя и свершения Февральской революции польским уланам пришлось не только наблюдать со стороны ужасы безвластия: погромы, грабежи, самосуд и насилие, но и, становясь на ту или иную сторону, защищать свою жизнь.

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-519-73316-8

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате трех «разделов Польши» в конце XVIII века (в 1772, 1793 и 1795 гг.) территория прежде независимой Речи Посполитой (так называлось Польское государство с XVI столетия) была разделена между тремя европейскими державами — Пруссией, Австрией и Россией. В состав русских владений поначалу были включены только территории, когда-то принадлежавшие России, но позднее отвоеванные поляками: Украина с Киевом, Белоруссия и часть Прибалтики. Позднее, в 1815 году, после завершения Наполеоновских войн, Российская империя была пополнена и собственно польскими землями с Варшавой. С этого времени Польша оставалась владением России вплоть до большевистского переворота 1917 года.

Потеря независимости переживалась поляками очень тяжело. Дважды — в 1830-м и 1863 годах — в «русской Польше» вспыхивали восстания и их подавляли огнем и мечом. С течением времени — к началу XX века — большинство поляков вполне интегрировались в плоть империи: они служили в русской армии, в полиции, во властных структурах, государственных учреждениях и при дворе. Деятели польской культуры и искусства вносили посильный вклад в культуру общероссийскую. На сцене импера-

торских театров блистали Матильда Кшесинская и Вацлав Нижинский, на экранах кинотеатров — Витольд Полонский и Анеля Судакевич; польские художники Генрих Семирадский, Казимир Малевич, Сигизмунд Жуковский приумножали славу российской живописи и т. д., — но мечта о независимости никогда не оставляла никого из польских подданных России. Эта мечта многих из них приводила в революционное движение, но и вполне законопослушные и лояльные граждане потихоньку вздыхали об утраченной вольности и повторяли про себя запрещенный польский гимн:

Еще Польша не погибла, доколе мы живы.
Все, что прежде потеряли, саблями воротим.

Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война подкрепила эти мечты новыми надеждами. Назначенный Верховным главнокомандующим Российской армией великий князь Николай Николаевич в своем обращении к войскам и населению прозрачно намекнул на возможность обретения Польшей былой независимости в случае победоносного для России окончания войны. Этих слов было достаточно, чтобы тысячи молодых польских патриотов добровольно отправились в армию.

Поляки воевали на разных сторонах: не только в русской, но и в австрийской армии. Нередко противниками оказывались близкие родственники, даже родные братья.

Для России мировая война обернулась катастрофой. Если в 1914 году все казалось легко и возможно: армия успешно наступала, война велась вблизи границ и сравнительно мало затрагивала большинство населения, в достатке было вооружения и боеприпасов — словом, казалось, что в ближайшем будущем будет одержана скорая и блистательная победа, то уже с 1915 года все изменилось. Оказалось, что русская экономика не справляется с военными поставками, что дерев-

ня обескровлена бесконечными призывами, а боевая фортуна покидает Россию, и войне не предвидится конца. Отдельные военные успехи, вроде знаменитого Брусиловского прорыва, не меняли ситуации на фронтах. Армия отступала или вела изматывающие позиционные бои. Солдаты устали и озлобились. В стране нарастал ропот — сперва глухой, затем все более громкий... В начале 1917 года все полетело в тартарары.

Автор книги «Путь улана» Ришард Болеславский был в числе тех поляков, которые под влиянием патриотического порыва вступили в Российскую армию, чтобы сражаться за независимость Польши. Вместе со своим уланским полком он сполна вкусил «прелестей» последнего, самого тяжелого для России, периода войны и стал свидетелем и участником роковых потрясений 1917—1918 годов. Попытки как-то отстраниться от происходящих в России событий, как имеющих мало отношения к собственно польской судьбе, ни к чему не привели. Польским уланам довелось не только наблюдать со стороны нарастание революционного угара и все ужасы гражданской войны с ее самосудами, погромами, грабежами, насилием и всеобщей нравственной деградацией. В какой-то момент чувство самосохранения заставило их делать и собственный выбор, становиться на ту или иную сторону и так или иначе участвовать в кровавой бойне.

Собственное «хождение по мукам» Ришард Болеславский подробно описал в своей книге «Путь улана». Беллетризованная форма подобных книг была очень популярна и в годы Первой мировой войны (вспомним хотя бы «Записки кавалериста» Николая Гумилева), и в первые послевоенные годы, когда по всей Европе было выпущено огромное количество военных воспоминаний. Из таких записок рождалась литература целого поколения. Книга Болеславского, при всей скромности ее художественных

достоинств, все же находится в том же ряду, что и «Прощай, оружие!» Хемингуэя и «На Западном фронте без перемен» Ремарка. Насыщенность книги революционными реалиями делает ее особенно интересной для российского читателя, а рисуемые Болеславским картины пополняют хорошо известную нам эпоху живыми и выразительными подробностями.

*В.М. Бокова,
доктор исторических наук*

Глава 1

МУЖ И ЖЕНА

Вспоминаю обычный день 1916 года. Приближался день рождения немецкого полковника. Слухи об этом достигли наших ушей, впрочем, я никогда не выяснял, каким образом срабатывает сарафанное радио. Между нами и немцами пролегало около двухсот метров смертоносной земли. И если бы кому-нибудь захотелось понять, насколько смертоносной была эта земля, достаточно было приподнять над траншеей винтовку с насаженной на нее фуражкой, чтобы тут же услышать свист пуль. Однако мы не были обделены слухами, новостями и сообщениями о любых незначительных событиях, происходивших у немцев. Мы знали о немцах, а они о нас практически столько же, сколько знают друг о друге две семьи, живущие по соседству в маленьком провинциальном городке.

День рождения немецкого полковника приходился на четверг. Стоило ли нам нарушать их спокойствие в этот день? Они собирались выпивать и закусывать, а кому понравится быть убитым во время веселья? В ответ на любезность с нашей стороны они не тревожили в подобные дни и нас.

Как-то я увидел группу уланов, склонившихся над чем-то. Они довольно хихикали, но, увидев меня, пришли в яв-

ное замешательство. Один из уланов тут же спрятал какой-то предмет за спиной.

— В чем дело, парни?

Они молчали.

— А ну-ка, покажите, что вы там прячете.

Улан неохотно протянул мне маленького бумажного змея. У меня были бы большие неприятности, если бы вышестоящий офицер увидел в небе эту игрушку.

Только я об этом подумал, как улан сказал:

— Господин поручик, мы разорвем и выбросим змея.

— Лучше отдай-ка его мне, — скомандовал я.

Улыбаясь, словно ребенок, пойманный на шалости, он протянул мне змея.

К змею, склеенному из газеты, был приделан самодельный конверт, в котором лежал мятый листок бумаги. На листке была очень схематично нарисована молодая девушка в непристойной позе перед немецким капралом. Под рисунком располагалась надпись: «Клара дает тебе отставку. Ха! Ха! Ха!» Каким-то образом уланы узнали о неудаче, постигшей немецкого капрала с Klarой.

— Нельзя отправлять письма врагу, — строго сказал я. — Прекратите свои шалости.

— Но ведь они шутят над нами, — хором возразили парни. — Во время боя мы воюем с ними, но ведь сейчас мы не воюем. Мы занимаемся этим шуточки ради.

Я молча забрал у них змея, понимая, что они наверняка сделают нового и запустят его к немцам. Если бы я не был офицером, то поступил бы именно так.

Иногда мне казалось, что, если бы офицеры с обеих сторон ушли в отпуск, русские и немецкие солдаты, словно две группы школьников, бросились вместе играть и веселиться. Причем играли бы до тех пор, пока кто-нибудь из офицеров не вернулся и не одернул их: «Прекратите, прекратите сейчас же. Вы что, не знаете, что находитесь в состоянии войны?»